

Он не помнил прошлого, но какое-то предчувствие подсказывало: Цзян Жунъи знает всё.

Встретившись со взглядом Чжоу Сывэй, Цзян Жунъи принял решение. Он тихонько вскрикнул и, притворившись, что теряет сознание, рухнул прямо в объятия Чжоу Сывэй.

— Господин Чжоу, — прошептал он, лихорадочно соображая и подражая тону той женщины-скелета, — я упал в обморок. Мне нужно, чтобы господин Чжоу меня обнял... нет, поцелуй тоже подойдет.

Цзян Жунъи уткнулся лицом в грудь Чжоу Сывэй, а спустя мгновение приподнял голову и украдкой взглянул на него.

Чжоу Сывэй внимательно изучал надпись на алой колонне. Раньше, когда Цзян Жунъи стоял перед ним, он не видел, что скрыто за его спиной, но теперь, когда тот оказался в его объятиях, то, что так старательно пытались скрыть, открылось взору.

— Это мой почерк, — сразу узнал Чжоу Сывэй.

Надпись на колонне была короткой, прочитать ее можно было за мгновение. Цзян Жунъи хотел помешать, но было уже поздно. К счастью, имен там не было.

— Выходит, мы с Уваном были очень близки, — сделал вывод Чжоу Сывэй.

Если бы их не связывали глубокие узы, они не отправились бы вместе исследовать тайное царство Сяочи, не отравились бы ядом цветка белого сандалового лотоса и уж точно не стали бы высекать эти строки, помогая друг другу избавиться от действия яда.

Чжоу Сывэй смотрел на высеченные слова, пытаясь восстановить в памяти разрозненные образы, собрать из них целое лицо. Увы, видения были слишком короткими. Даже с его памятью он не мог вспомнить черты лица, помнил лишь кроваво-красный узор в форме облака у уголка глаза юноши.

Чжоу Сывэй отстранил от себя Цзян Жунъи.

Глядя на него, он по-прежнему чувствовал, как сердце пропускает удар, но, вспомнив того юношу из своих видений, он подавил этот порыв.

— Ты... — Чжоу Сывэй отступил на шаг, увеличивая дистанцию. — Прости, в прошлые дни я вел себя слишком опрометчиво.

Вспоминая объятия, совместный сон и неуместные поцелуи, Чжоу Сывэй опустил голову, не решаясь взглянуть на реакцию Цзян Жунъи.

— Я потерял память и ничего не помню, — голос его слегка дрожал, но он заставил себя договорить: — Только что я вспомнил, что в моем сердце уже есть другой человек.

Цзян Жунъи, которого только что оттолкнули:

— ?

Что сейчас произошло? Неужели Чжоу Сывэй наконец прозрел?

Цзян Жунъи привел мысли в порядок и начал свое представление:

— Ты целовал меня, обнимал, а теперь говоришь, что я — не тот, кто тебе нужен?

— Н-нет, не так, — Чжоу Сывэй растерялся, не зная, что делать, и принялся извиняться: — Это моя вина.

Цзян Жунъи решил, что с него хватит, и спросил:

— Тот, кого ты любишь, — это Небесная дева?

Бай Ливэй, первая красавица в списке прекраснейших дев мира и главная героиня романа «Восхождение к бессмертию».

Чжоу Сывэй покачал головой:

— Нет, не она. Я не знаю его фамилии, только имя — Уван.

Цзян Жунъи впал в еще большее замешательство:

— ?

— У тебя что, с головой не в порядке? — Цзян Жунъи потянулся проверить температуру его лба, но Чжоу Сывэй увернулся.

Чжоу Сывэй с праведным видом ответил:

— Нам лучше соблюдать дистанцию.

Цзян Жунъи:

— ...

Ну ладно.

Скрестив руки на груди, Цзян Жунъи наблюдал, как Чжоу Сывэй бережно собирает с земли вещи и аккуратно убирает их в пространственное хранилище. Постояв еще немного перед колонной, погруженный в свои мысли, Чжоу Сывэй наконец двинулся прочь. Цзян Жунъи пошел следом, соблюдая дистанцию.

Что вообще происходит? Цзян Жунъи смотрел в спину идущему впереди человеку и раздраженно ерошил волосы. Почему Чжоу Сывэй ни с того ни с сего разлюбил главную героиню? Ведь она — первая красавица мира, дочь Небесного императора Бай Юйцзина, обладательница огромной силы. О ней мечтает каждый заклинатель! Чем он, Цзян Жунъи, хуже Бай Ливэй? Пусть скажет, он обязательно исправится.

Чжоу Сывэй, идущий впереди, был совсем не так спокоен, как казалось. В сердце его терзало раскаяние: как он мог позволить себе подобное, будучи лишенным памяти? Цзян Жунъи прав: целовал, обнимал, а теперь идет на попятную. Такое поведение недостойно мужчины! Но... если он должен нести ответственность перед Цзян Жунъи, то что делать с Уваном? Если он будет искать только Увана, то как же быть с невинным Цзян Жунъи?

Чжоу Сывэй был в смятении, не зная, как поступить, и втайне желал, чтобы эта амнезия длилась вечно.

Чжан Хуаньчжи всегда отличался терпением, поэтому даже спустя долгое время не проявлял беспокойства. Сян Цзэлун, будучи моложе, постоянно оглядывался по сторонам:

— Старший брат, свирепый зверь ушел, может, пойдем соберем лекарственные травы?

Чжан Хуаньчжи одернул младшего брата:

— Тише... они идут.

Кусты роз зашевелились, несколько нежно-розовых лепестков опустились на землю. Сначала показался незнакомый мужчина, а следом за ним — Цзян Жунъи, которого они так долго ждали.

Чжан Хуаньчжи оценил незнакомца. С его уровнем развития на начальной стадии Золотого ядра он был уверен, что в тайном царстве Сяочи, если не встретит учеников башни Чжайсин, сможет сразиться с кем угодно. Он вышел вперед, решив сначала соблюсти приличия:

— Господин Цзян.

— А? — Цзян Жунъи едва не забыл об этих двоих с дурными намерениями и не сразу нашелся, что ответить.

— Удалось ли вам добыть цветок белого сандалового лотоса? — Чжан Хуаньчжи задал вопрос, на который уже знал ответ, лишь пытаясь прощупать почву.

Цзян Жунъи отряхнул руки, с них посыпалась зеленая шелуха от семян лотоса:

— Съел.

Белый сандаловый лотос был лишь лекарством среднего уровня. Для других — ценность, для него — перекус. Впрочем, семена были хрустящими, сладкими и освежающими, как раз по его вкусу. Он даже оставил три штуки, чтобы потом посадить у входа в свое поместье.

Чжан Хуаньчжи, разумеется, не поверил. Он возмущенно воскликнул:

— Мы же договаривались! Поделить цветок на троих поровну! Как вы могли позариться на добычу и присвоить все себе?

Сян Цзэлун тут же подхватил:

— Именно! Разве так поступают праведные заклинатели?

— В таком случае, не вините нас, если придется применить силу, — Чжан Хуаньчжи для вида обратился к молчаливому Чжоу Сывэю: — Если вы не хотите быть сообщником, прошу, уходите. Это наши личные счета, не хочу втягивать вас.

Это были лишь пустые слова. Он планировал убить обоих, чтобы никто не узнал о его сокровищах. Чжоу Сывэй же был настолько погружен в свои мысли, что даже не услышал, что сказал Чжан Хуаньчжи.

Цзян Жунъи странно посмотрел на Чжан Хуаньчжи. Он еще не видел людей, которые так спешили бы навстречу собственной смерти.

— Старший брат, хватит с ними болтать! — Сян Цзэлун выхватил меч и направил острие на Цзян Жунъи: — Либо отдавай лотос, либо умрешь.

Хотя в названии их секты Сясинмэнь и было слово «геройство», ученики ее отнюдь не отличались благородством. Подобные убийства ради наживы стали для них привычным делом — грабить других заклинателей куда проще, чем сражаться с монстрами.

Цзян Жунъи согласно кивнул:

— Верно сказано.

— Что верно? — Сян Цзэлун опешил, решив, что противник пытается отвлечь его внимание, чтобы сбежать, и, не раздумывая, бросился в атаку, целясь в самое уязвимое место.

— Не трать время на пустые разговоры, — Цзян Жунъи даже нашел время поучить юного заклинателя: — Больше всего в вас, праведниках, я ненавижу то, что вы даже пакости делаете так медленно и нерешительно.

Лезвие не успело коснуться Цзян Жунъи, как время словно замерло. Меч Сян Цзэлуна, закаленный магический артефакт, способный пробить защиту даже мастера Золотого ядра, внезапно покрылся трещинами, а затем рассыпался в пыль, оставив в руке лишь рукоять.

— Э-это... — Сян Цзэлун в ужасе уронил рукоять и посмотрел на старшего брата: — Старший брат Чжан!

Чжан Хуаньчжи, помрачнев, вытащил из сумки свой меч. Они не были мечниками, но из-за того, что их секта славилась созданием мечеобразных артефактов, каждый носил меч при себе и называл себя мечником. Чжан Хуаньчжи решил, что у Сян Цзэлуна просто был слабый артефакт, а уж его меч не подведет. Он сосредоточился и нанес удар.

Бесполезно. Чжан Хуаньчжи считался одним из лучших в Сясинмэнь, он всегда был уверен в себе. Но его удар, нанесенный в полную силу, был легко заблокирован. Вернее, этот человек даже не пошевелился — сила удара просто растворилась в воздухе. Они наткнулись на крепкий орешек.

— Бежим! — поняв, что атака провалилась, Чжан Хуаньчжи крикнул и бросился наутек. Сян Цзэлун замешкался, он оцепенело смотрел на человека перед собой.

Цзян Жунъи улыбнулся. Улыбка тронула не только уголки губ, но и глаза — яркая, как фейерверк, от которой невозможно было отвести взгляд. Но Сян Цзэлуна от этой улыбки пробрал холод. В голове мелькнула мысль: им не сбежать.

Так и вышло. Чжан Хуаньчжи, уже почти скрывшийся из виду, вернулся, бледный как полотно. Он двигался медленно, словно боролся с невидимой силой, но конечности его не слушались, и он против воли подошел к Цзян Жунъи.

— Не буду тратить на вас слова, — Цзян Жунъи поднял указательный палец: — Я убью только одного.

Он указал пальцем сначала на Чжан Хуаньчжи, потом на Сян Цзэлуна. На лице его заиграла злая усмешка:

— Выбирайте сами.

— Что? Что выбирать? — Сян Цзелун не сразу понял смысл сказанного, а когда осознал, в ужасе закричал: — Старший брат!

Чжан Хуаньчжи изменился в лице. Кто бы мог подумать, что охотник сам станет добычей. Он уже почти покинул остров, но был притянут назад невидимой силой. Сбежать не удастся — этот человек не шутит, он действительно убьет.

Не дождавшись ответа от брата, Сян Цзелун огляделся и его взгляд остановился на Чжоу Сывэе.

— Спаси нас! — взмолился он.

Но прежде чем Чжоу Сывэй успел что-то сказать, Сян Цзелун почувствовал острую боль в спине. Его тело пронзила чудовищная энергия, и он выплюнул фонтан крови. Обернувшись, он увидел, что удар нанес его обожаемый старший брат.

Чжан Хуаньчжи невозмутимо убрал руку.

— Стар... — кровь хлынула из горла, Сян Цзелун не успел договорить и рухнул на землю.

— Я сделал выбор, — Чжан Хуаньчжи выглядел так, будто только что не убил своего младшего брата.

Двое должны были выбрать одного, но раз Сян Цзелун мертв, выбирать больше не нужно.

— Умный ход, — похвалил Цзян Жунъи.

Чжан Хуаньчжи выдохнул, решив впредь быть осторожнее. Он льстиво проговорил:

— Это я был слеп, благодарю старшего, что не держите зла.

Цзян Жунъи с любопытством спросил:

— А кто сказал, что я не держу зла?

В груди Чжан Хуаньчжи стало холодно. Неизвестно откуда появилась дыра, пронзившая его насквозь. Меч вернулся в руку Цзян Жунъи — удар был настолько быстрым, что Чжан Хуаньчжи даже не почувствовал боли, и ни капли крови не успело пролиться.

— Э-э... — Чжан Хуаньчжи ошеломленно смотрел на него, пытаясь что-то сказать, но горло наполнила кровь, и он лишь издал хриплый звук. Его тело рухнуло рядом с телом младшего брата.

— Я сказал, что убью одного, — улыбнулся Цзян Жунъи. — Значит, убью только одного.

Сказано — сделано. Сян Цзэлуна убил не он.

Цзян Жунъи почувствовал на себе взгляд и обернулся:

— Думаешь, я...

Думаешь, у меня извращенный вкус? Или что я жесток и беспощаден?

Чжоу Сывэй произнес два слова:

— Красиво.

Сказав это, он почувствовал, что не должен был так говорить, и добавил:

— Они сами напросились.

Если бы не их злые помыслы, они бы не закончили так.

Они покинули остров на лодке. Цзян Жунъи сидел на одном конце, изредка поглядывая на Чжоу Сывэя. Тот, как и обещал, держал дистанцию и больше не лип к нему. Цзян Жунъи с таким трудом привык к присутствию рядом человека, а теперь, когда тот отстранился, почувствовал себя неудобно.

Он перестал смотреть на Чжоу Сывэя, опустил руку в прохладную воду и почувствовал, как она ласкает пальцы. Атмосфера была слишком неловкой, и Цзян Жунъи решил заговорить первым:

— Эй.

Чжоу Сывэй ждал, когда он заговорит, и тут же отозвался:

— М?

— Скажи, если... — Цзян Жунъи зачерпнул горсть воды и позволил каплям стечь сквозь пальцы, — если бы ты мог вознестись и стать бессмертным, от чего бы ты отказался ради этого?

Этот вопрос давно мучил его. Система поручила ему помочь Чжоу Сывэю достичь бессмертия, но он до сих пор не понимал зачем.

— Если бы? — этот гипотетический вопрос заставил Чжоу Сывэя задуматься.

— Это должен быть кто-то невероятно важный, — ответил он спустя мгновение. — Важнее, чем вознесение.

Кто из заклинателей не мечтает о бессмертии? Что может быть важнее этого? Чжоу Сывэй пришел к выводу и твердо произнес:

— Единственный, ради кого я мог бы отказаться от бессмертия, — это Уван.

Цзян Жунъи странно посмотрел на него:

— ...Ты даже не знаешь, кто такой этот Уван, как можешь быть так уверен?

— Да, — кивнул Чжоу Сывэй. — Я не помню, но уверен.

— Ты считаешь мой поступок подлым? — Цзян Жунъи внезапно сменил тему.

Чжоу Сывэй:

— Нет.

— Нет! — твердо сказал Цзян Жунъи. — Я считаю, что поступил подло, жестоко и беспощадно, просто по-человечески ужасно!

Чжоу Сывэй недоуменно:

— А?

Цзян Жунъи решил ковать железо, пока горячо:

— Видишь, я такой, а этот Уван в сто раз хуже меня, ты уверен, что он тебе понравится?

— Я знаю... — Чжоу Сывэй выглядел крайне смущенным и запинаясь: — Я знаю.

Похоже, он все-таки задел чувства Цзян Жунъи. Во всем виноват он сам — не стоило проявлять вольности, когда он ничего не помнил. Даже если Цзян Жунъи сейчас говорит гадости про Увана, винить его нельзя, виноват только он.

Цзян Жунъи:

— Что?

Что он там знает?

Три дня в тайном царстве Сяочи стали для Цзян Жунъи самым тяжелым временем. Чжоу Сывэй словно с ума сошел: он свято соблюдал дистанцию в три шага, что бы Цзян Жунъи ни делал. И это было бы полбеды, но страннее всего было то, что, когда Цзян Жунъи не смотрел, Чжоу Сывэй постоянно разглядывал его каким-то неопишным взглядом. А стоило Цзян Жунъи обернуться, как он тут же отводил глаза, делая вид, что ничего не происходит.

К счастью, три дня пролетели быстро, и как только время истекло, их перенесло из тайного царства.

Топ-100 участников оказались не там, где входили, а на просторной площади. В воздухе возник световой экран, на котором замелькали имена — первое место сияло ярче всех.

Победителем первого этапа стал не фаворит, ученик башни Чжайсин, а никому не известный Тянь Хуа. Он набрал более тысячи трехсот жетонов, захватив треть всех имеющихся, в то время как занявший второе место ученик башни Чжайсин имел лишь восемьсот.

Кроме того, в этом году число погибших на турнире превысило все ожидания. Точных подсчетов еще не было, но по предварительным оценкам, сотни людей сложили головы в Сяочи. Само тайное царство не было таким уж опасным — убивали в основном сами заклинатели. Участники турнира были молодыми талантами, так что потери были огромны.

Цзян Жунъи задержал взгляд на имени Тянь Хуа и, просмотрев список дальше, на сороковом месте увидел свое имя и имя Чжоу Сывэя. Их целью был лишь проход во второй тур, они не стремились блистать.

Когда все сто имен отобразились, экран погас, а затем загорелся снова, и имена начали вращаться. Через четверть часа список был готов — это был порядок проведения второго этапа.

Цзян Жунъи и Чжоу Сывэю достались соперники из конца списка. Сначала сто человек должны были сократиться до пятидесяти, затем до двадцати пяти. Дуэли на арене, где жизнь и смерть не имели значения.

Цзян Жунъи выиграл свой бой и, отправившись искать Чжоу Сывэя, неожиданно увидел, что Тянь Хуа все еще на арене. Тянь Хуа был одним из трех стражей Пути демонов, и хотя его сила уступала прежнему Цзян Жунъи, победить заклинателя стадии Золотого ядра для него не

составляло труда. Почему же он до сих пор не закончил?

Цзян Жунъи встал у края арены и понаблюдал. Тянь Хуа не просто сражался — он играл со своим противником, как кошка с мышкой. Тот постоянно был на волосок от победы, принимал это за удачу, отказывался сдаваться и снова бросался в атаку. Тянь Хуа, держа веер, легко отбивал удары, сохраняя полное спокойствие. Его же противник был весь в крови и выглядел жалко.

Улыбка играла на губах Тянь Хуа, словно он был увлечен интересной игрой. Что он задумал?

Цзян Жунъи наблюдал за ним. Тянь Хуа был демоном-оборотнем, в демоническом мире его почтительно называли господин Хуапи. Его внешность менялась тысячи раз, и никто не знал его истинного лица. К тому же он скрывал свою демоническую ауру — если бы Цзян Жунъи не был так хорошо знаком с его дыханием, он бы ни за что не догадался.

Возможно, его взгляд был слишком долгим, и Тянь Хуа заметил его. Он замер и, глядя в лицо Цзян Жунъи, слегка прищурился.

<http://bllate.org/book/22488/2371115>